

В. Ф.
ОДОЕВСКИЙ

Избранное

Владимир Федорович Одоевский

Петербургские письма

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645705
Владимир Федорович Одоевский. Избранное: М.; 2011*

Аннотация

Вторая часть предполагаемой, но ненаписанной трилогии: в первой части речь должна была идти о временах Петра Первого, во второй – действие происходит в 30-х годах XIX века; и в третьей (произведение «4338-й год») – в далеком будущем.

Содержание

Письмо 1	4
Письмо 2	10
Письмо 3	14
ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ВИКТОРА К ВЯЧЕСЛАВУ	16

Владимир Федорович Одоевский Петербургские письма

Письмо 1 ВЯЧЕСЛАВ К ВИКТОРУ

С.-Петербург. 18...

Наконец-то я в Петербурге, любезный друг Виктор! – По примеру многих наших приятелей я бы мог тебе наполнить целое письмо выражениями грусти, тоски по родине, описать мой первый меланхолический взгляд на Московскую заставу, тысячу воспоминаний, пробудившихся *ex officio*¹ в груди моей и, словом, все то, что водится в таких случаях... но нет сил притворяться, и потому скажу тебе без околичностей, я рад душою, что вырвался из нашей мачехи, или, как ее называют, нашей матушки Москвы, я вздохнул свободнее, когда выехал за заставу и вспомнил, что оставляю за собою целый строй моих тетюшек и дядюшек, их именинные обеды, приторное радушие, бостон, гран-пасьянсы и бесконечные советы и увещания; что касается до друзей, то уверен,

---

¹ По обязанности (*лат.*). – *Ред.*

что они рады тому, чему я рад и любят меня как вблизи, так и издалека. – Матушка была очень печальна, и немудрено – она в Москве родилась и после 12 года в первый раз оставляет ее, а с нею своих знакомых, свои привычки, которые в ее летах сделались для нее необходимостью. – К тому те она едет в чужой дом – а ты понимаешь, как это ей также тяжело. – Мы оба молчали; она, как понял я из ее немногих слов, все думала, как-то она будет принята дядюшкой – благодетелем нашего семейства, как-то я ему понравлюсь... – Я же был за седьмым небом: наконец, общество почувствует прилив нового человека со свежими чувствами, со свежими мыслями, с твердым намерением и, может быть, со способностью действовать! – Вот единственная мысль, которая представлялась мне в различных видах во все продолжение моей дороги и наяву и во сне, особенно во сне, ибо я, чтобы сократить время, решил спать во всю дорогу – и ты не можешь себе представить, с каким восхищением я, заснувши на станции и проснувшись через несколько часов, узнавал, что еще на 100 или 150 верст я приблизился к Петербургу. – Поэтому ты удивишься, что я не видал ни валдайских гор, ни Волхова, ни Новгорода, что, словом, дорога от Москвы к Петербургу для меня не существует – сердись на меня как хочешь, – а я так рад этому; может быть, новые виды, исторические воспоминания – расшевелили бы во мне лукавого беса Поэзии, которому дай волю, так не угомонишь; – я же твердо решил оставить Литературу: я хочу служить – и служить в

полном смысле этого слова; дорогою на просторе я еще более убедился во всегдашней моей мысли, что служба у нас в России – есть единственный способ быть полезным Отечеству. Толкуй мне что хочешь про почтенное высокое звание поэта, ученого, про его обширный круг действия – все это справедливо, да не у нас. Что у нас Литература? – Ведь охота же писать для тех, которые ничего не читают. Будь хоть семи пядей во лбу – твоё сочинение не перейдет за круг твоих приятелей и тех еще надобно заставить тебя слушать или подарить им по экземпляру; у нас нет врожденного, произвольного стремления к просвещению. – Скажи, кто у нас заводит школы? Правительство; кто заводит фабрики, машины? Кто дает ход открытиям? Правительство; кто поддерживает компании? Правительство и одно Правительство. – Частным людям все эти вещи и в голову не приходят. Правительству нужны люди для его предприятий; отдаляться от него – значит удаляться от того, чем двинется, живет, чем дышит вся Россия. Не говори мне о неудачах по службе, о неприятностях, с которыми, говорят, бывает соединена; я уверен, что все это преувеличено оскорбленным самолюбием людей, которые не убиваются в службе оттого, что служба с ними не уживается. Нет! тайное предчувствие говорит мне: я назад не останусь; что ни толкуй, а человек, который немножко учился, ставит на странице не более двух или трех галлицизмов, человек с чистым желанием служить и быть полезным, не гоняющийся ни за крестами, ни за чинами – такой

человек будет новостью, любопытным явлением и его, хоть для редкости, толкнут вперед, не заставляя нагибать спину. Сколько бы ни было злоупотреблений в службе, как и во всех делах человеческих, но работники везде нужны – а я хочу работать. Вообрази себе, друг Виктор – наслаждение на деле испытать благородство чувств своих, верность своего суждения, в глазах простолюдинов ни во что ценить то, что для них цель жизни, поверить энергию души в борьбе с препятствиями, встречающими всякого новичка в свете, внести в толпу маленьких людей с маленькими душонками, загаженными низким ласкательством и эгоизмом, душу чистую, чуждую интриг и происков между ремесленниками, считающими, какую плату могут получить они за каждую строку, ими написанную, работать бескорыстно и с энтузиазмом, – просителей удивить ласковым обращением и готовностью помогать им, начальников – прямою сердцем, откровенностью и, может быть, какими-нибудь свежими мыслями, к которым не приучили их рутинисты. *Sauvez moi des routiniers, je me charge des theoreticiens*², – говаривал один умный вельможа. Наконец, вступить за честь нового поколения и назло старикам доказать, что молодые люди могут быть и дельными и важными людьми. – Вообрази себе все это, Виктор, и согласись, что все твои журнальные статьи ничто в сравнении с делами, меня ожидающими...

---

² Спасите меня от рутинеров, а я займусь теоретиками (*фр.*). – *Ред.*

Вот тебе и второе письмо от того же числа, первое я написал, едва выскочивши из коляски, мне необходимо было если не тебе, то, по крайней мере, бумаге передать мысли и чувства, которые кипят в душе моей, — я задыхался от них — но не мог закончить, пока матушка устраивалась в отведенной нам комнате, я побежал будто бы отнести письмо к тебе на почту, — чтобы не отнять у матушки единственного нашего лакея, — а, сказать правду, чтобы иметь случай сбежать в город, я теперь пишу тебе из справочного места, заведения, о котором вы, москвичи, не имеете понятия — обегать город — я устал до смерти, пот с меня градом, колена подгибаются, в глазах рябит, но во что бы то ни стало передам тебе, как могу, первые впечатления, к тому же надобно приучать себя к усиленному труду — итак, слушай: я вне себя от Петербурга, с самого въезда в него я пришел в восхищение и, виноват, от ошибки: не выдавши никогда домов в четыре этажа под одну крышу, я принял их все за фабрики и удивился их множеству. — Европейский город! думал я — какое движение промышленности; скоро я узнал свою ошибку, но прогулка моя утвердила мнение мое; я был на Невском проспекте, оттуда пробежал на Исаакиевскую площадь, чуть было не стал на колени перед величественным монументом Петра-исполина; пробежал несколько раз по набе-

режной, оттуда на биржу, взглянул на ряд Коллегий, огромный, стройный, как все, брошенное рукою Петра на невозделанную почву России: это зрелище, эти люди с занятыми лицами, с портфелями, эти корабли, пришедшие из всех стран света, слова на всех европейских языках, доходившие до моего слуха, даже запах каменных угольев – все это жгло мое воображение; то я думал, что я в иностранном городе, в чужих краях, то вспоминал, что все, меня окружающее – мое отечество, и, признаюсь, это соединение двух ощущений еще более увеличивало мой восторг.

Письмо 2

ВЯЧЕСЛАВ К ВИКТОРУ

Ну, уж была мне гонка за мои восторги, – едва я ушел от матушки, как дядюшка, несмотря на то, что у него в это время был доклад, и тетушка, несмотря на то, что еще было 9 часов утра – явились у нас с визитом – обласкали матушку – начались расспросы – можешь себе представить ее смущение перед дядюшкой. Она извинила меня, как могла, но мне сказала, что мой поступок показался ему странным, и что мне не надлежало бегать со двора прежде, нежели я представился дядюшке. Признаюсь, что это происшествие немного расхолодило мои восторги – уж не в Москве ли я? – подумал я; неужли и здесь обращают внимание на такие мелочи? – Матушка не дала мне закончить моих размышлений – и едва я успел переодеться, как она повела меня к тетушке, в которой я нашел премилую женщину, хотя гордую с виду. Я извинился перед нею в своей невежливости, складывал всю вину на необходимость отправить письмо, просил ее меня извинить перед дядюшкой и проч., и проч. Мы проговорили с ней добрых полчаса. Сказать тебе, о чем мы говорили, невозможно, ибо мы ни слова не сказали по-русски, а французский разговор, особенно при первом свидании, составляется из такого количества летучих фраз, что их не прикуешь

к бумаге. Скажу только, что между тысячами предметов дело коснулось и Литературы. Матушка не могла утерпеть, сказала, что и я литератор. Тетушка тотчас спросила, на каком языке я пишу; я покрасневшись и в смущении проговорил: «en Russe!»³ Как ты думаешь, что мне отвечала тетушка? – Она не только похвалила меня за это, но прибавила, что терпеть не может, когда русские, презирая свой язык, принимаются писать на иностранном. – Что, сударь, каково? Найди мне хоть одну московскую даму, разумеется, пожилую, которая бы решилась произнести такое суждение? Что ни говори, а Петербург сотнею лет обогнал Москву. В ту минуту вошедший человек прервал наш разговор, доложив, что дядюшка дожидается меня в кабинете. Как тебе объяснить впечатление, которое сделал на меня благодетель нашего семейства – право, не знаю. Не хочу не договорить и боюсь проговориться; итак, скажу коротко: я, было, прикинул к обнаженной голове моего дядюшки Галлееву систему: она была не в его пользу; но я хочу лучше верить моему внутреннему чувству, а оно заставило меня найти то выражение доброты, той снисходительной терпимости, которою я более всего дорожу в людях. Правду сказать, при этом свидании мое самолюбие-таки пострадало немного, ну, да так и быть. Сначала, помня наставления матушки, я было хотел извиниться перед ним в моей невежливости, но, как кажется, матушка ошиблась: я заметил, что дядя был изумлен моими извине-

---

³ По-русски (*фр.*). – *Ред.*

ниями, – верно, он не обратил и внимания на мое отсутствие, а своими извинениями я только надоумил его, что сделал неучтивость, и хитрый старик притворно нахмурил брови. – Но лицо его скоро прояснилось, он не дал мне слова сказать о моей благодарности за все его благодеяния, оказанные нашему семейству, и тотчас начал спрашивать, где я учился, как будто матушка двадцать раз не писала ему об этом! отчего я так долго не соглашался на его предложение вступить при нем в службу, чем я занимался, вышедши из школы. Я отвечал, как мог, но плохо бы мне было, если бы не помогла тетушка. Она расхвалила меня до невозможности, рассказала о моих литературных подвигах. – «А что вы писали?», – спросил меня дядюшка, – я подумал и с тайною надеждою изумить и порадовать старика назвал мою прошлогоднюю повесть, знаешь, ту, которую журналисты без ума расхваливали и читатели приписывали то тому, то другому известному автору, – назвал, ожидал восклицаний, комплиментов, приготовлялся краснеть и скромничать – что же? «Я не читал эти книги, – отвечал мне дядя равнодушно, – но все равно, это очень хорошо, это набивает руку». Набивает руку! набивает руку! – подумал я, и кровь поднялась мне в голову, но уже не от застенчивости. – Как! лучшее мое произведение, писанное от души, обделанное с величайшим тщанием и, может быть, – с тобою говорю откровенно – произведение, к каким не приучили наши писатели публику, это произведение годится только набивать руку, и даже мой родной дя-

дя не читал его! – Но скоро, вспомнивши новый род жизни, который предпринимаю, я угомонил авторское самолюбие и старался впиваться в слова дядюшки, который толковал мне, что теперь занятия мои будут гораздо важнее, что в службе надобно работать головою, что он завтра же повезет меня к князю Воротынскому, его старинному другу и будущему моему начальнику.

Письмо 3

ВЯЧЕСЛАВ К ВИКТОРУ

Вчера дядюшка меня возил к князю Воротынскому. Не могу тебе описать неприятного впечатления, которое сделал на меня этот человек: представь себе высокого сухощавого старика, лицо важное до равнодушия; взор спокойный до нечувствительности, размеренные движения; бесцветные слова; не улыбку – но какое-то желание улыбаться. Он сделал мне почти те же вопросы, что и дядюшка; не дождался ни на один ответа; обещал представить своей жене; пригласил меня к себе ездить по вторникам; позвал одного из своих секретарей, поручил меня ему, велел приготовить просьбу, все это приправил несколькими пошлыми истинами и комплиментами и, отошедши с дядею к окошку, поклоном своим дал мне знать, чтобы я оставил их одних. Я побрел за моим начальником под номером вторым в княжескую канцелярию. Надобно было пройти несколько комнат, и ты не можешь себе представить, как мой Иван Гаврилович Глинцев (так называют моего будущего начальника) извивался передо мной во всю дорогу; как мне расхваливал то моего дядюшку, то князя; то князя, то дядюшку, то поручал себя моему расположению, то обещал мне свою дружбу, тряс мою руку – но вошли мы в канцелярию – и все переменялось:

мой Иван Гаврилович, низенький, толстенький человек, с кудрявыми, чопорно расчесанными волосами, краснощекий, без всякого выражения в лице, прищурил глаза, закинул голову назад, обдернул манжеты, поправил на них свой Анненский крест, опустил руки в карманы и вошел преважно в двери первый. Все засуетилось при его входе; низшие чиновники, мои будущие товарищи, вытянулись в струнку, едва он достаивал их внимания, говорил, не смотря на них, отвечал, не слушая; – со мною, правда сказать, он обращался ласково и благосклонно, но все не так, как в ближней комнате. Мои товарищи уже все смекнули – и чей я племянник, и кто мой дядюшка и подавали мне бумагу для написания просьбы и уступали мне место. Все это показалось мне довольно гадко, но я скрепил сердце и, когда дядюшка, вышел от князя, позвал меня ехать с собою, я утешал себя мыслию, что *c'est une consequence*⁴, необходимое следствие.

---

⁴ Это следствие (*фр.*). – *Ред.*

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ВИКТОРА К ВЯЧЕСЛАВУ

...Душевно радуюсь, любезный мой Вячеслав, что ты упорствуешь в твоём намерении служить. Такая решительность – чудо, оно в первый раз с тобою случается. Сердись на меня, как хочешь, но я тебе повторю то же, что несколько раз говорил: я так же, как и ты, постигаю пользу и необходимость служить, и, если бы не мои больные глаза, то, верно, променял теперешние мои занятия на какое-либо место, где бы я деятельнее мог быть полезным государю и Отечеству. Но ты – совсем другое дело: ты не имеешь той твердости характера, того сосредоточенного внимания, той деятельности, той постоянной привычки к занятиям, которой требует служба, без которой ты будешь весьма плохим и неисправным чиновником, в тягость начальнику, предметом ненависти для твоих товарищей, упреком для твоих покровителей. Ты теперь уверен в противном, но ты обманываешь самого себя, тебе и служба нравится потому, что ты ее поэтизировал, ибо ты Поэт, мой друг, и больше ничего: твоя мечтательность и рассеянность погубят тебя, бесперывные и сначала, может быть, мелочные занятия скоро надоедят тебе, ты промечтаешь в своей постеле и опоздаешь в канцелярию, промечтаешь над какою-нибудь ведомостью и не подашь ее к

сроку; тут ты будешь принужден извиняться, унижаться, что совсем не в твоём характере, а потом, когда какой-нибудь из твоих товарищей, низший тебя и по способностям, и по познаниям, опередит тебя, твоё пиитическое самолюбие будет оскорблено и – увы, мой друг! – прежде, нежели ты достигнешь той степени, где служба становится в самом деле поэзией – если и достанет в тебе столько твердости, и если и не выгонят тебя со службы, – ты произвольно испытываешь и зависть, и желание повредить своим соперникам и желание поддержать свою лень покровителями, – словом, все те мелкие страсти, которые тебе непонятны и – которые в порядке вещей. Дай Бог, чтобы моё пророчество не сбылось, – я могу ошибаться, ибо знаю свет только понаслышке, но одно, в чём я уверен, это то, что твоё отступничество от Поэзии не долго продлится, и сверх того всего, что я выше говорил, я нахожу доказательство в самом твоём последнем письме; находясь в Петербурге, ты вообразил себе, что ты в иностранном городе и – ну восхищаться. Помилуй! такая дребедень прилична ли важному, хладнокровному чиновнику? Смотри, душа, чтобы это чувство не отразилось и в твоих занятиях по службе, чтобы ты о русских делах не стал судить немецким умом, русские правила подгонять под немецкие принципы и русский дух не сделался бы тебе непонятен потому, что ты будешь искать в нём немецкого. Космополитизм, моя душа, хорош в филантропической диссертации, а в службе не только никуда не годится, но даже вреден...